

Цзюй У наблюдал за тем, как Янь Дань и Ин Чжэн проводят время вместе. Ранним утром, позавтракав, он решил заговорить.

— Наследный принц, — раздался позади голос Цзюй У, в котором слышалась едва уловимая сложная нотка.

Янь Дань не обернулся, лишь тихо хмыкнул в знак того, что слушает.

Цзюй У подошел к нему, встал рядом, глядя вместе с ним на давящее небо за окном. Помолчал немного, а затем заговорил медленно, с ноткой исследования и невыразимого изумления:

— После того, как вы, наследный принц, получили ранение и очнулись... вы словно сильно переменились.

В душе Янь Даня прозвучал сигнал тревоги!

Но внешне он оставался невозмутим, даже лениво зевнул и, наполовину в шутку, наполовину всерьез, поддел его:

— Правда? Может, это падение действительно вправило мне мозги. Многое, о чем раньше не хотелось думать или что никак не мог понять, теперь... будто внезапно обрело ответ.

Он сделал паузу, повернул голову и, глядя на Цзюй У, изобразил слегка самокритичную, беззаботную улыбку:

— Например, что голод — это очень неприятно, а кулаки людей Чжао, бьющие по телу, действительно очень болят.

Он пытался отделаться шутками и балагурством.

Цзюй У пристально посмотрел на него. Взгляд его, казалось, пытался проникнуть сквозь оболочку этого десятилетнего ребенка и разглядеть, какая же душа там на самом деле обитает.

Сейчас наследный принц был то наивен, то нестигаем, то вдруг поражал речами. Эта перемена делала его, учителя, чужим и даже вызвала тревогу.

У Янь Даня от этого взгляда мурашки побежали по коже, и он поспешил сменить тему, чтобы вернуть себе инициативу.

Он повернулся лицом к Цзюй У, убрал с лица шутливое выражение, сменив его на почти

суровую серьезность, и спросил:

— Учитель, вы раньше часто говорили ученику держаться подальше от циньцев и помнить о государстве Янь... Тогда я хочу спросить вас: Цинь действительно так сильна? Насколько она сильна?

Этот вопрос, казалось, задел Цзюй У за живое, или, может быть, он сам спешил прикрыть недавние сомнения правильными речами. Лицо его стало суровым, и он глухо произнес:

— Сильна? Да она не просто сильна! С тех пор как Сяо-гун провел Реформы Шан Яна, поощряя земледелие и войну, Цинь уже обрела мощь тигра и волка! Во времена Чжаосян-вана Бай Ци в битве при Чанпине закопал живьем сорок тысяч воинов Чжао! Грозное имя Уань-цзюня может остановить детский плач по ночам!

Он говорил все более взволнованно, его седая борода мелко дрожала:

— В прошлом году Чжаосян-ван, правитель Цинь, отправил послов в Лоян и потребовал у никчемного Чжоуского Сына Неба Девять треножников! Сын Неба был слаб и не посмел послушаться, ему пришлось отдать треножники. Послы Цинь повезли их обратно, но когда переправлялись через реку Сышуй, поднялся сильный ветер и огромные волны, и один треножник упал и затонул на дне! Однако остальные восемь все же доставили в Сяньян!

Голос Цзюй У был полон унижения и негодования:

— Девять треножников — это важнейшая утварь Поднебесной, символ власти над девятью областями! Цинь, требуя треножники, уже открыто явила свое желание поглотить все царства! Ныне Шесть царств к востоку от гор охвачены ужасом и трепетом! Слышал я, что Синьлин-цзюнь снова в пути, хочет объединить удельных князей в Вертикальный союз и противостоять Цинь! Однако...

В его голосе внезапно послышалась глубокая безнадежность:

— Однако в делах Вертикального союза сердца людей не едины, каждый таит свой умысел, какая уж тут может быть надежда на успех? Цинь опирается на крепость Сяошань и Ханьгу, владеет областью Юнчжоу, правитель и подданные крепко держатся вместе, хищно взирая на земли к востоку от гор... Это уже свершилось!

Эту речь Цзюй У произнес с болью в сердце, явив образ ученого, который печалится о стране и народе, но чувствует свое бессилие.

Янь Дань молча слушал. Эти исторические события, знакомые ему по книгам, превратились в скорбный рассказ старца, стоящего перед ним, и их воздействие было совершенно иным.

Он помолчал немного, затем внезапно поднял голову и, глядя на Цзюй У чистыми глазами, задал ошеломляющий вопрос:

— Раз Цинь так сильна, настолько сильна, что даже Вертикальный союз не может ей противостоять... То почему бы не позволить ей объединить Поднебесную?

— Объ... единить...? — Цзюй У внезапно остолбенел, словно впервые слышал, чтобы эти слова сочетались подобным образом.

Его губы беззвучно шевельнулись, в глазах сначала мелькнуло недоумение, а затем зрачки резко сузились, будто его поразила безмолвная молния!

— Наследный... наследный принц! — Он резко втянул в себя воздух, пошатнулся и отступил на полшага, словно пытаясь избежать чего-то ужасного. Лицо его мгновенно побледнело как бумага, палец, указывающий на Янь Даня, сильно дрожал, и он едва мог вымолвить слово, — Ты... ты знаешь, что говоришь?! Поднебесную... как можно объединить?! Дом Чжоу хоть и слаб, но Всеобщий владыка Поднебесной все еще существует! Царства борются за гегемонию, за господство, откуда же... откуда взялось объединение?!

Голос его стал пронзительным и хриплым, полным невиданного доселе ужаса и страха, словно он услышал самую кощунственную и безумную речь на свете:

— Это осквернение храмов предков! Ниспровержение устоев! В землях девяти областей есть свой закон! Раздельное правление чжухоу — это веление Неба! Даже если есть сильные и слабые, завоеватели и покоренные, это лишь смена гегемона, как же можно... как же можно все отдать одному царству, одному правителю?! Это не управление государством, это... это путь к уничтожению Поднебесной!

— А если объединить, разве не настанет мир? — прервал его Янь Дань. Голос его был негромким, но необычайно четким, словно камешек, брошенный в глубокий омут, легко пронзил обезумевшую тираду Цзюй У.

Он устремил взгляд в окно, словно сквозь серое небо видел далекое будущее:

— Если объединить, не будет границ, не будет войн каждый год, не будет так, что сегодня ты убьешь мои сорок тысяч, а завтра я закопаю твои десять тысяч.

Он повернулся и посмотрел на совершенно остолбеневшего Цзюй У, на лице которого застыл даже гнев. В его взгляде не было вызова, только чистое, почти по-детски наивное недоумение:

— Не нужно будет... таких детей, как мы, отправлять заложниками в чужие страны, где мы недоедаем, не имеем теплой одежды, каждый день терпим побои и ругань, вынуждены смотреть на чужое лицо.

— Все эти истины из Академии Цзися, соперничество ста школ — в конечном счете, разве не для того, чтобы сделать этот мир лучше? Если войны не могут принести лучший мир, почему бы не остановиться? Если есть государство, достаточно сильное, чтобы положить этому конец, почему... им не может быть оно?

Эти слова, произнесенные десятилетним ребенком, звучали легко, но несли в себе почти жестокую, ниспровергающую силу! Они, словно невидимая тяжелая кувалда, с размаху ударили по основам веры, которую Цзюй У отстаивал всю жизнь!

Цзюй У стоял как изваяние из глины и дерева, открыв рот, и из горла его вырывались странные булькающие звуки, но он не мог произнести ни одного членораздельного слога.

Его мировоззрение, весь его жизненный путь «Чтить вана, отражать варваров», «Государства стоят бок о бок», сам смысл существования государства Янь, которому он служил, — в этот миг все это было разбито вдребезги и стерто в пыль несколькими небрежными словами его ученика!

Позволить Цинь объединить? Положить конец многовековой раздробленности? Чтобы больше не было чжухоу, не было заложников?

Это... это уже не просто величайшее непочтение, это... это была пугающая идея, подобная деянию Паньгу! Безумие, о котором он даже во сне не мог помыслить, — полностью перекроить Поднебесную!

Но... почему же картина «мира», нарисованная этими словами, словно призрак, проникла в его сердце и вызвала в нем трепет, которого он сам боялся?

Нет! Невозможно! Это ересь! Это речи демона, смущающего людские сердца!

Лицо Цзюй У побледнело, потом позеленело, затем стало багровым. Грудь его тяжело вздымалась, и, казалось, еще миг — и он задохнется. Он смотрел на Янь Даня, и в его глазах были крайний ужас, непонимание, страх и глубокая растерянность, словно он вглядывался в бездонную пропасть.

Кто же этот ребенок? Или... его одержало что-то ужасное?!

Прошло очень, очень много времени. Так много, что даже ветер за окном, казалось, застыл. Наконец Цзюй У, словно из него выкачали всю душу, обессиленно опустил плечи, и весь его дух мгновенно угас.

Он отвел глаза, избегая слишком чистого, а теперь казавшегося ему колючим взгляда Янь Даня, и голос его, сухой и хриплый, словно трение сухих листьев, произнес:

— Наследный принц... государь...

Он с трудом сглотнул, словно в горле застряла тысячепудовая глыба.

— Эти речи... источник бед, знамение гибели государства... Ни в коем случае не говорите их никому другому. Даже думать... больше не думайте.

Он помолчал, затем голос его стал почти неслышным, полным бесконечной усталости и пустоты, словно после крушения веры:

— ...Спрячьте в сердце. Унесите в могилу.

Сказав это, он больше не взглянул на Янь Даня, словно боялся, что один взгляд принесет ему гибель, способную уничтожить все. Пошатываясь, он повернулся и, шатаясь, поспешно вышел, словно в одно мгновение постарел на десять лет.

Янь Дань остался стоять на месте, глядя на сгорбленную, словно у него вынули хребет, убегающую фигуру Цзюй У, и тихо вздохнул.

Он знал, что эти слова потрясут мир. Но он не мог сдержаться.

Объединение: единая колея для повозок, единая письменность, единые меры длины и веса... То, что потомкам казалось само собой разумеющимся «цинским строем», заложило основу Хуася на два тысячелетия.

А сейчас это были лишь смутные понятия в головах современников.

Ясными были только бесконечные войны и страдания, что стояли перед глазами.

Дзынь! Обнаружено, что носитель выдвинул макроконцепцию, опережающую время. Хотя это вызвало бурные споры, оно косвенно затронуло глубинные размышления важного лица (Цзюй У) о существующем порядке, слегка пошатнув барьер его устоявшегося сознания. Награда: +15 очков! Текущий счет: 65 очков!

Звуковой сигнал Системы заставил Янь Даня приподнять бровь.

О?Оказывается, опережающие мысли тоже могут приносить очки?

Выходит, путь «изменения истории» гораздо шире, чем он думал.

Он снова посмотрел в окно. Серое небо, казалось, пронизал слабый, необычный луч света.

<http://bllate.org/book/18665/1800135>